

© 2001 г. Л.Н. БУЛАТОВА, Е.А. ЗЕМСКАЯ, С.М. КУЗЬМИНА, В.И. НОВИКОВ

ДИАПАЗОН ДАРОВАНИЯ

К 80-летию М.В. Панова

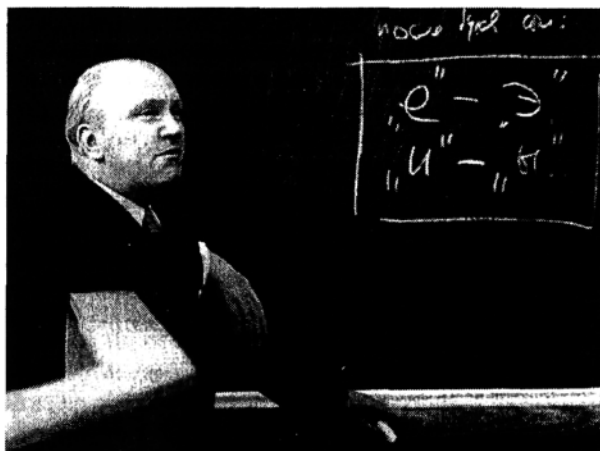
А наука, которая впрямь наука, —
зеленое,

ласковое,

зовущее дерево.

Веет прохладой и счастьем.

(М. Панов)

Научная деятельность М.В. Панова — редкий и вдохновляющий пример верности своему призванию и широты исследовательских интересов. В эпоху по преимуществу узкой специализации этот ученый возродил в своей работе принцип филологического единства, восходящий к временам Ломоносова.

М.В. Панову чрезвычайно близка образная идея радужного спектра: не случайно он присвоил разным эпохам в истории русского произношения цветовые наименования — от "лиловой" до "алой". И слово всегда интере-

совало М.В. Панова во всем богатстве его спектра: фонетика, графика, морфология, синтаксис, эстетика.

М.В. Панов — самый крупный представитель московской, фортунаговской лингвистической школы на нынешнем этапе ее развития. Идеи этой школы он талантливо развивает, уверенно и бережно строя здание, каркас которого возведен его предшественниками. В данной статье мы кратко рассмотрим основные направления научной деятельности этого замечательного ученого.

1. Под руководством и при авторском участии М. В. Панова в Институте русского языка РАН написаны работы, возродившие традиции **социолингвистики** и определившие на многие годы направление исследований в этой области не только в Институте русского языка, но и во всей русистике.

М.В. Панов разработал теорию языковых антиномий, лежащих в основе внутреннего, спонтанного развития языка, а также методику массового обследования языковых вариантов, позволившую выявить внутриязыковые и социальные факторы и описать их взаимодействие как в развитии языка, так и в его функционировании на

данном этапе. По образцу составленного им "Вопросника по современному русскому литературному произношению" (М., 1960) были созданы вопросники для широкого исследования других языковых уровней – морфологии, словообразования, лексики. Они позволили собрать большой материал по функционированию языковых вариантов в зависимости от внутриязыковых и социальных факторов (в частности, возрастных и территориальных). На основе обработки собранного материала под руководством М. В. Панова и при его авторском участии была написана фундаментальная коллективная монография в 4-х книгах "Русский язык и советское общество. Социолого-лингвистическое исследование" (М., 1968), послужившая мощным стимулом для развертывания работ в области социалингвистики (см. [Крысин 1990]) и заложившая основы новой школы – Московской школы функциональной социалингвистики [Земская, Крысин 1998].

Это социалингвистическое исследование имеет колоссальное значение еще и потому, что дает возможность с единых теоретических позиций и на основании одной методики описывать состояние русского языка на последующих этапах его развития и проследить на разных синхронных срезах дальнейшую эволюцию русского языка.

2. Ученик создателей Московской фонологической школы – А.М. Сухотина, Р.И. Аванесова, А.А. Реформатского – М.В. Панов начинает свой научный путь с исследования **фонетики**. Впрочем, фонетика и фонология и в дальнейшем занимают в его научной работе особое место, представляя, по его словам, опытное поле языкознания, на котором испытываются новые идеи.

Русская фонетика исследована им во всех аспектах: современная и историческая, сегментная и суперсегментная, теоретическая и нормативная (орфоэпия), системная и функциональная, поэтическая, сценическая. Многие направления в изучении фонетики были открыты именно им.

Виртуозно составленный М. В. Пановым текст для фонетической записи – знаменитый "Антоныч" (см. о нем [Развитие фонетики 1966]), в котором собраны все фонетические варианты середины XX в., послужил, наряду с вопросниками, основой для собирания массовых данных о произношении. Научный потенциал этих записей (они хранятся в фонотеке отдела современного русского языка Института русского языка имени В.В. Виноградова РАН) далеко не исчерпан. Текст позволяет и дальше изучать русское произношение и получать данные об устойчивости орфоэпического навыка человека на протяжении его жизни [см. Каленчук (в печ.)], а также собирать данные для сопоставления произношения на новых синхронных срезах.

Монография М.В. Панова "Русская фонетика" (М., 1967) содержит всеобъемлющее описание фонетического яруса русского языка. Это своего рода фонетическая энциклопедия. Впервые дается последовательное описание фонетики в синтагматическом и парадигматическом аспекте. Книга соединяет в себе тончайшие, микроскопически-точные наблюдения и широкие теоретические обобщения.

В фонетических работах Михаила Викторовича находят отражение и получают развитие все центральные проблемы фонетики и фонологии: вопрос о языковой системе (он расширяет и уточняет это понятие), об "атоме" фонемной системы (фонема или дифференциальный признак?), проблемы слога, понятия позиции и нейтрализации.

Пафос фонологической теории Михаила Викторовича – наведение мостов между Московской (МФШ) и Пражской фонологическими школами, осмысление и снятие противоречий между ними. Так, в фонологической теории МФШ на ранних этапах ее развития была заложена возможность разного понимания фонемы: с одной стороны, как единицы, из которой принципиально невыделимы ее акустические или артикуляционные элементы (на этом настаивал В.Н. Сидоров), а с другой – как единицы, состоящей из элементарных признаков – дифференциальных и интегральных (А.А. Реформатский). Именно в целях преодоления этого противоречия Р.И. Аванесов "расщепил" понятие фонемы на две единицы: кратчайшая звуковая единица в составе словоформы (сильная и слабая фонема) и кратчайшая функциональная единица в составе морфемы (фонемный ряд).

М.В. Панов предлагает другое решение. Исходя из двух разных функций звуковых единиц – различать и отождествлять значимые единицы языка (при этом различать – удел синтагматики, отождествлять – парадигматики), Михаил Викторович постулирует две функциональные единицы: фонему, или идентификатор, назначение которой *о т о ж д е с т в л я т ь* значимые единицы языка, и дифференциатор, назначение которого *р а з л и ч а т ь* значимые единицы языка. Фонема как языковая единица, представленная рядом позиционно чередующихся звуков, не имеет дифференциальных признаков, дифференциатор же как ряд звуков, имеющих одинаковую функциональную характеристику, определяется набором различительных признаков [Панов 1997]. Эта теория (поистине теоретический прорыв) снимает противоречия между двумя крупными фонологическими школами.

М.В. Пановым разработана оригинальная типология фонетических систем, основанная на противопоставлении фонетических систем преимущественно синтагматических и преимущественно парадигматических. Важной является мысль, что парадигматические системы дают громоздкое синтагматическое описание, из которого к тому же не всегда может быть выведена парадигматическая организация фонетики. Напротив, из парадигматических законов фонетики легко выводятся ее синтагматические законы [Панов 1977]. Плодотворность этой теории была подтверждена в исследовании, основанном на типологической концепции Панова и проведенном на материале русского консонантизма с привлечением фонетики таких типологически разных языков, как английский, испанский и венгерский [Бархударова 1999].

Можно указать немало направлений фонетических исследований, успешно развиваемых в современной лингвистике, начало которым положил Михаил Викторович. Это и изучение локальных разновидностей литературного языка, и фонетическая стилистика, и описание различных фонетических подсистем – обусловленных лексически: подсистема необщеупотребительных (редких) слов, терминов; грамматически: подсистема служебных слов, флексий, междометий; подсистема поэтической речи; разговорного языка.

В фундаментальном исследовании М.В. Панова "История русского литературного произношения XVIII–XX вв." (М., 1990) развертывается богатейшая картина сменяющих друг друга произносительных эпох. На основе филигранно разработанной им методики, с помощью изобретательных способов привлечения уникального материала решается задача, кажущаяся невыполнимой при принятом отсутствии записей звучащей речи: реставрируется произношение XVIII–XIX веков. Автор ставит перед собой большой круг задач: 1) показать реальную картину изменения русского литературного произношения за последние три века; 2) найти языковые законы, которые определяют русское произношение в каждую эпоху, в каждое изучаемое столетие; 3) сопоставить эти законы, чтобы понять, имеют ли изменения общее направление, последовательность, единство развития; 4) определить, в какой степени произносительные изменения обусловлены внешними (социальными) воздействиями на язык и в какой степени – внутренними законами языка; 5) определить роль этих наблюдений при рассмотрении общих проблем развития языка.

Эти задачи получили блестящее решение. При подчеркнуто простой композиции (все главы написаны по одному плану) в книге всесторонне характеризуются пять синхронных срезов, в которых автор обнаруживает восемь фонетических систем.

Исследование русской речи в ее эстетической (поэтической) функции всегда привлекало Михаила Викторовича. Это ярко проявляется и в книге "История русского литературного произношения XVIII–XX вв.", где дается характеристика художественной речи каждой произносительной системы. Панов первый разработал в этой книге жанр фонетических портретов (например, Петра I, М.В. Ломоносова, О.О. Садовской, Е.Т. Турчаниновой, В.Н. Рыжовой, В. Яхонтова, А. Вознесенского). Этот жанр был подхвачен разными исследователями (рецензию на эту книгу см. [Ильина 1993]).

В широком спектре научных интересов М.В. Панова немалое место занимает **теория письма**, в разработке которой он опирается на положения Московской фоно-

логической школы, развивая их. Так, он углубил и расширил понимание фонематического принципа, применив его не только к парадигматическому аспекту – к передаче гласных и согласных в слабых позициях, но и к синтагматике, включив в зону его действия написания в соответствии с так называемым слоговым принципом: признаки фонем, не являющиеся различительными, не должны получать отражение на письме. М.В. Панов показал, что фонематический принцип лежит в основе не только написания букв, но и слитного-раздельного написания слов ("межсловные диеремы последовательно обозначаются пробелом независимо от того, нейтрализованы они или нет"), а также в основе русской пунктуации [Панов 1967].

Большое внимание в работах М.В. Панова уделяется эволюции русской орфографии, осмыслению путей ее развития. В своей работе в этой области, как, впрочем, и в других областях, он следует принципу Ф.Ф. Фортунатова: нельзя языку (в том числе письменному) навязывать его прошлое, письмо должно отвечать своему синхронно данному статусу. Этим принципом он руководствовался и работая в Орфографической комиссии 1963–64 гг. (подробнее о роли Панова в работе этой комиссии см. ниже). Своими трудами он доказал, что московская фонологическая теория дает ключ к усовершенствованию орфографии, служит научной базой для оценки действующих и альтернативных правил. М.В. Панов обосновал необходимость культурно-исторического подхода к решению вопросов усовершенствования орфографии. Культурно-исторический взгляд на письмо, по его мнению, означает не запрет на изменения, а необходимость оценки того, не навредит ли орфографическое новшество уже имеющимся старым текстам [Панов 1974].

3. Кратко рассмотрим некоторые из работ, посвященных проблемам слова, морфемной членимости слова, классификации частей речи (большинство этих работ, к сожалению, опубликовано в виде журнальных статей или же в малотиражных изданиях, труднодоступных читателю).

Проблема слова. В статье "Слово как единица языка" Михаил Викторович пишет: "Такая простая и ясная вещь: слово. Но она же оказывается самой трудной, неясной, загадочной. Сколько усилий потрачено, чтобы научно определить эту единицу, а конец работы еще далек" [Панов 1956: 129].

Отталкиваясь от определения слова, данного А.И. Смирницким [Смирницкий 1952], М.В. Панов предлагает свое оригинальное решение: слово – "смысловое единство, части которого не составляют свободного сочетания" [Панов 1956: 146]. Это краткое определение требует пояснений. Оно основано на том свойстве слова, о котором писал еще А.М. Пешковский [Пешковский 1959] и которое М.В. Панов углубил и расширил. Это свойство слова получило название фразеологичность (или идиоматичность) семантики слова – слово подобно фразеологизму, а не свободному синтаксическому сочетанию. Смысл слова обычно, как правило, не складывается из смысла составляющих его частей (морфем). Между смыслом целого слова и смыслом его частей существует зазор, люфт. Ученый блестяще показывает это, сопоставляя слова *вечерник* (студент вечернего факультета), *дневник* (подневная запись событий), *утренник* (утренний спектакль или утренний мороз), *ночник* (ночной светильник). И действительно, слова, образованные по одной модели на основе соотносительных по форме и смыслу прилагательных *вечерний*, *дневной*, *утренний*, *ночной*, имеют причудливо различающиеся значения. Каждое слово содержит свое смысловое приращение.

Именно это и отличает слова (единицы лексики) от словообразовательных структур (основа прилагательного + суффикс *-ик*), так как, с точки зрения словообразования, значение рассматриваемых единиц аналогично: нечто, связанное по смыслу с семантикой базовой основы.

Учение о фразеологичности семантики производного слова породило целую серию работ, оно активно разрабатывается в языкознании (см., например [Ермакова 1984]).

Постоянный интерес к слову как единице языка побуждал М.В. Панова исследовать проблему **членимости слова**. Эта проблематика, разрабатываемая в языкознании на

протяжении десятилетий, породила так называемый спор о *буженине* и *стеклярусе*, иными словами о том, членятся ли слова, содержащие единичные корни и полноценные аффиксы (*бужен-ина*, *свин-ина*, *осебр-ина*) или полноценные корни, но единичные аффиксы (*стекл-ярус*, *стеклянный*, *стекольщик*). Полемика между Г.О. Винокуром [Винокур 1959] и А.И. Смирницким [Смирницкий 1956: 59–64] вызвала отклики у многих современников. Однако ответ на поставленный вопрос был дан не сразу. Лишь в конце 60-х годов М.В. Панов предложил решение. Он писал: "Степень вычлененности морфемы из слова может быть различной. Границы между морфемами в одних случаях глубоки и резки, в других – менее глубоки" [Панов 1968, 2: 214]. Ученый построил шкалу членимости слова, выделяя шесть ступеней членимости – от первой ступени (наиболее четкой) до шестой (наиболее слабой).

При этом учитываются такие факторы: 1) корень употребляется свободно или связано; 2) аффикс повторяем или уникален; 3) аффикс по значению подобен другим аффиксам данного языка или уникален; 4) аффикс употребляется / не употребляется при свободных корнях. В результате были построены две таблицы, одна из них представляет степени членимости слова в виде абстрактных единиц [Панов 1968, 2: 216–217]. Приведем вторую.

Дано слово <i>Аб</i>	Есть ли <i>Ав</i>	Есть ли <i>Бб</i>	Есть ли <i>Бв</i>	Есть ли <i>Дг</i>	Есть ли <i>Дв</i>
1. <i>Лет</i> <i>чик</i>	<i>Лет</i> <i>ать</i>	<i>Развед</i> <i>чик</i>	<i>Развед</i> <i>ать</i>	(<i>Пис</i> <i>атель</i>)	<i>Пис</i> <i>ать</i>)
2. <i>Пас</i> <i>тух</i>	<i>Пас</i> <i>у</i>	–	<i>Нес</i> <i>у</i>	<i>Лет</i> <i>чик</i>	–
3. <i>Стекл</i> <i>ярус</i>	<i>Стекл</i> <i>янка</i>	–	<i>Дерев</i> <i>яника</i>	–	–
4. <i>Бужен</i> <i>ина</i>	–	<i>Осебр</i> <i>ина</i>	<i>Осебр</i> <i>овый</i>	–	–
5. <i>Мал</i> <i>ина</i>	–	<i>Круш</i> <i>ина</i>	–	(<i>Кост</i> <i>яника</i>)	<i>Кост</i> <i>яной</i>)
6. <i>Коче</i> <i>гар</i>	<i>Коче</i> <i>рга</i>	–	–	(<i>Топор</i> <i>ник</i>)	<i>Топор</i>)

Позднее – уже в 70-е годы – М.В. Панов возвращается к проблемам членимости слова, расширяя и дополнительно аргументируя свои взгляды (см. [Панов 1975а]). В том же сборнике опубликована другая статья ученого, посвященная этой же проблематике. В статье «О переводах на русский язык баллады "Джабберворки" Л. Кэрролла» М.В. Панов исследует проблематику членимости слова на очень интересном специфическом материале. Он сопоставляет четыре перевода поэмы Кэрролла (Т.Л. Щепкиной-Куперник, Н.М. Демуровой, В. и Л. Успенских и Д.Г. Орловской), показывает своеобразие творческого метода каждого из переводчиков и характеризует достигнутый ими эстетический эффект.

Проанализированный поэтический материал позволяет ему высказать такое мнение: "... можно составить в виде таблицы периодическую систему членимости слова. В ней должны быть учтены и такие качества выделяемых отрезков, как их звуковая выразительность. Эта черта, вероятно, особенно весома в художественной речи" [Панов 1975а: 248]. И далее М.В. Панов добавляет, подчеркивая значимость фактов поэзии для теории языкознания: «О многих клетках "периодической системы членимости слова" мы бы не догадались, если бы не Кэрролл... Надо уметь видеть все факты, в том числе и странные, и видеть именно их необычность. Даже такую простую вещь, как таблицу членимости, нельзя построить, не научившись видеть все факты. Кэрролл учит» [Панов 1975б: 248].

Учение о фразеологичности семантики и о степенях членимости слова вошло в вузовское и школьное преподавание, см., например [Белашапкина 1997; Земская 1973; Энциклопедия для детей 1998].

Классификация частей речи – это еще одна сфера теоретической лингвистики, интерес к которой свойствен М.В. Панову на протяжении десятилетий. В статье "О частях речи в русском языке" [Панов 1960] строит свою классификацию частей речи, исходя из мысли о том, что множественность теорий частей речи закона и необходима. И тому есть две причины: 1) "Соотношения, сложившиеся в русском языке

между крупнейшими грамматическими классами слов, сложны и многообразны"; 2) «Описание может быть истинным, если оно строго следует определенным и четко сформулированным принципам, регламентирующим соотношение между изображаемым и его "проекцией" в данном описании» [Панов 1960: 3].

Кратко изложенная в названной статье теория частей речи была позднее дополнена автором в теоретическом проспекте к монографии "Русский язык и советское общество", опубликованном в 1962 г. в Алма-Ате и ставшем библиографической редкостью [Панов 1962]. М.В. Панов вновь вернулся к проблематике частей речи в своей новейшей монографии "Позиционная морфология русского языка" (М., 1999). Отсылая читателя к этой книге, подчеркнем, что в ней М.В. Панов формулирует свое понимание понятия "система языка" и рассматривает "два других важнейших понятия, необходимых для понимания языка как особой сущности: понятие позиции и (вслед за ним) понятие нейтрализации" [Панов 1999: 21]. Эти понятия родились в сфере фонетики и фонологии, М.В. Панов применяет их при исследовании морфологии и других уровней языка; см. рецензии на данную книгу [Кронгауз 2000; Клобуков 2000].

4. Крупный теоретик, М.В. Панов является также талантливым организатором научных исследований. У него необыкновенный дар увлекать людей своими замыслами, заражать своими идеями, вдохновлять их на разработку проблем, которые он считает актуальными. От М.В. Панова как бы исходит ток высокого творческого напряжения, который заряжает всех соприкасающихся с ним.

Организаторский талант М.В. Панова особенно ярко проявился в период его работы в Институте русского языка Академии наук СССР, когда в руководимом им секторе современного литературного языка шла работа над темой "Русский язык и советское общество". Тема была выдвинута еще прежним руководителем сектора С.И. Ожеговым, но именно участие в ней М.В. Панова вдохнуло жизнь в разработку темы и дало общее направление всему исследованию. Это направление было задано идеями М.В. Панова и его единомышленников о взаимоотношениях между внутренними законами языка и внешними факторами, влияющими на его развитие.

Руководство работой, в которую было вовлечено множество людей (авторский коллектив, участники массового эксперимента, специалисты по статистике, чья помощь была нужна при обработке материалов), требовало от М.В. Панова больших научно-организационных усилий. Ему удалось добиться слаженной работы коллектива на всех этапах исследования: составление вопросников, соби́рание и обработка материала, его теоретическое осмысление и написание самой книги.

Для М.В. Панова как организатора научной работы не существовало ведомственных барьеров. Он привлекал к работе тех, в ком видел интерес к проблеме и чьи знания и способности могли принести пользу делу. Так было и с этой работой, отдельные разделы которой были написаны авторами, не являвшимися сотрудниками Института русского языка.

Результатом огромного коллективного труда, проделанного под руководством М.В. Панова, стала монография "Русский язык и советское общество", где во всех четырех частях прослеживается такое единство научной концепции, которое нечасто встречается в коллективных трудах подобного масштаба.

В 1963 г., когда еще шла напряженная работа над монографией, М.В. Панов был назначен заместителем председателя Орфографической комиссии, созданной по постановлению Президиума Академии наук СССР при Отделении языка и литературы. Готовя проект предложений по усовершенствованию русской орфографии, М.В. Панов проводит большую организационную работу с целью привлечь к обсуждению актуальных орфографических проблем широкий круг лингвистов и методистов, заинтересованных в улучшении нашей орфографии.

По инициативе М.В. Панова в Институте русского языка создается общественная орфографическая комиссия под председательством Ирины Сергеевны Ильинской. На заседаниях этой комиссии обсуждались такие сложные вопросы, как, например, написание букв *е* и *о* после шипящих, *н* и *nn* в причастиях и отглагольных прилагательных.

Авторы наиболее интересных сообщений получили рекомендацию выступить перед официальной орфографической комиссией.

В связи с работой Орфографической комиссии в 1964 г. было выпущено три сборника статей с обсуждением актуальных проблем орфографии. Их фактическим редактором был М.В. Панов, хотя он числился только одним из членов редколлегии.

Под руководством М.В. Панова был подготовлен "Обзор предложений по русской орфографии (XVIII–XX вв.)", вышедший в 1965 г. Это поистине капитальный труд, в котором с максимальной полнотой собраны предложения по усовершенствованию русской орфографии, начиная с эпохи Петра I, приведены все аргументы, выдвигавшиеся за и против каждого из них, дана подробнейшая библиография.

Обсуждение проекта предложений Орфографической комиссии в широкой прессе показало, что общество очень горячо относится к судьбам орфографии, но уровень его лингвистических познаний явно недостаточен. Многие из выступавших против этих предложений отождествляют орфографию и язык, видят покушение на русский язык в попытках реформировать его орфографию. М.В. Панов выступил на заседании общественной орфографической комиссии с призывом к лингвистам заняться популяризацией лингвистических знаний, в частности разъяснять в научно-популярных работах соотношение между орфографией и языком. Этот призыв был услышан. Стали появляться такие научно-популярные книжки, как "Орфография и русский язык" под редакцией И.С. Ильинской (М., 1966), "Письма об орфографии" Б.З. Букчиной, Л.П. Калакуцкой, Л.К. Чельцовой (М., 1969) и другие. Но самые увлекательные научно-популярные книги об орфографии были написаны самим М.В. Пановым: "И все-таки она хорошая! Рассказы о русской орфографии, ее достоинствах и недостатках" (М., 1964), и вышедшая позднее "Занимательная орфография" (М., 1984).

В настоящее время М.В. Панов – признанный глава Московской лингвистической школы (МЛШ). И не только в силу его собственного вклада в развитие идей этой школы. М.В. Панов выступает как собиратель "московских" лингвистических сил. Анкеты, которые он распространяет среди представителей МЛШ, его замысел обзора исследований последнего времени, связанных с применением и развитием положений Московской фонологической школы (подробный план этого обзора см. [Фортуновский сборник 2000: 344]), а также словаря терминологии этой школы – все это служит цели объединить усилия лингвистов МЛШ вокруг создания общей концепции языка. Большую роль в этой объединительной деятельности М.В. Панова играет многолетний семинар близких к нему по научным интересам и взглядам лингвистов. На заседаниях этого семинара читались доклады на такие важные для МЛШ темы, как понятие гиперфонемы, критерии различения фонетических и морфонологических чередований, латентный период в истории фонемы, сложные случаи фонемной идентификации звуков в слабой позиции и многие другие. Особое внимание руководитель семинара уделяет проблеме использования понятия позиции, основного понятия московской фонологии, в других областях науки о языке. Его собственным вкладом в решение этой проблемы является книга "Позиционная морфология русского языка", с "окнами" в лексику и в синтаксис.

5. Наивность представлений о языке многих участников орфографической дискуссии еще раз обнаружила недостатки школьного преподавания русского языка и послужила для М.В. Панова новым толчком, чтобы вернуться к своему старому намерению создать силами лингвистов-русистов школьный **учебник нового типа**. Панов не мог мириться с глубоким разрывом между школьным курсом русского языка и современной научной теорией, с догматизмом преподавания, с засильем зубрежки.

Вместе с И.С. Ильинской они сформировали коллектив русистов, готовых продемонстрировать преимущества иного подхода к изучению русского языка в школе. Нужно дать школьникам научное представление об устройстве языка, научить их наблюдать языковые факты и делать выводы; рассуждать, доказывать, аргументировать свою точку зрения. Нужно воспитывать в детях любовь к русскому языку, показывая стройную согласованность его частей, богатство его выразительных воз-

возможностей. А на этой основе полнее и прочнее будут усваиваться и практические навыки, в том числе и орфографические, но не только они – вообще навыки культурной речи, устной и письменной.

В 1979–1980 гг. под редакцией И.С. Ильинской и М.В. Панова вышел небольшим тиражом первый опыт учебника, основанного на таких принципах ("Русский язык. Экспериментальные учебные материалы для средней школы" в 4-х книгах). Дальнейшая разработка поставленной задачи осуществлена в серии учебников для средней школы под редакцией М.В. Панова. Недавно вышел 4-й учебник этой серии (для 8–9 классов).

Новое содержание школьного курса потребовало изменения и характера самого изложения (оно должно будить мысль ребенка) и характера заданий. В учебниках под редакцией М.В. Панова большое место отводится заданиям, рассчитанным на поиск истины, на сообразительность, а также разнообразным творческим заданиям. При этом не забываются и тренировочные упражнения.

Работа для школы не ограничивается у М.В. Панова учебной литературой. В 1984 г. вышел составленный им "Энциклопедический словарь юного филолога (языкознание)", предисловие к которому написал академик Г.В. Степанов. Многие статьи в этом словаре написаны самим Михаилом Викторовичем. Словарь получил высокую оценку, в частности, в рецензии академика Д.С. Лихачева. В 1998 г. выходит языковедческий том "Энциклопедии для детей" изд-ва "Аванта+", для которого М.В. Панов написал основной теоретический раздел "Как устроен язык".

6. Нельзя не сказать о **научном языке** М.В. Панова. А.И. Солженицын пишет: "К языку таких наук, как языкознание, наиболее тесно примыкающих к повседневной жизни общества, ... я бы тоже применил не те требования, что к геологии и медицине: термины – терминами, а все ж где только можно сказать попроще, да поясней, да посочней, чтоб не только без словаря понять, а скромно-грамотному человеку даже можно б и насладиться – вот так и пишите" (см. [Капанадзе 1996: 311]).

Вот именно так и пишет М.В. Панов, именно таков его научный язык, облекающий глубину научной мысли в четкое, прозрачное, ясное, простое изложение, в котором свобода, раскованность сочетаются с мерой и вкусом. Этот ярко-индивидуальный стиль придает его работам неповторимый характер.

О научном языке М.В. Панова А.А. Реформатский писал, что ему свойственна "стилистическая афористичность изложения", "художественный прием детективного уклона".

7. Будучи известен прежде всего как выдающийся лингвист, М.В. Панов вместе с тем является крупным и оригинальным **литературоведом**, непосредственным продолжателем традиции ОПОЯЗа. Ориентация М.В. Панова на научный опыт Тынянова, Шкловского, Эйхенбаума и раннего Jakobsona была осознанной, "формальный метод" для него – точка отсчета подлинной научности в исследовании литературы. Глубокие теоретические прозрения "формалистов" во многом опирались на творческую практику русского авангарда, и М.В. Панов при всей широте своего эстетически-вкусового диапазона именно в новаторской поэзии первой трети XX века находит наиболее благодатный материал для постижения общих законов литературы как таковой и логики ее историко-эволюционного развития.

С Тыняновым, Шкловским и Jakobsonом М.В. Панов сближает страстный интерес к Хлебникову (см. давно написанную и только что опубликованную работу [Панов 2000]). Не меньшую эвристическую значимость для ученого имеет "экстремальная" художественная система Хармса, в работе о котором мы находим глубоко аналитичное и вместе с тем эмоциональное проникновение в мир поэта [Панов 1995]. Здесь же М.В. Панов обозначает собственные методологические принципы построения научной истории русской поэзии XVIII–XX веков – от Державина и Батюшкова до Бродского и Ивана Жданова. Мысли о "самодвижении" поэзии во многом перекликаются с тыняновским положением: "... литературная преемственность есть прежде всего борьба" [Тынянов 1977: 198], однако для М.В. Панова важна еще и самодостаточность

больших художественных явлений, не отрицаемая эволюционным процессом: "Каждый мир – самоценное совершенство и вместе с тем – возможность продолжения в новом, ином поэтическом мире" [Панов 1995: 481]. М.В. Панов вводит чрезвычайно интересную и необходимую категорию эстетической *предельности* произведения: если возможности данного материала реализованы художником до предела, то его творение уже не может быть "превзойдено", оно не может быть "хуже" другого произведения, каким бы шедевром то ни являлось.

М.В. Панов как никто усвоил и творчески применил лежащую в основе опоязовской эстетики антитезу "материал – прием". Быть может, такой специфический подход к художественным явлениям в принципе доступен только людям творчески одаренным, какими были лидеры ОПОЯЗа – писатели-ученые, являвшиеся одновременно и "ихтиологами", и "рыбами". М.В. Панов в своем исследовании поэзии сочетает четкую научность с пониманием предмета "изнутри", обладая собственным оригинальным стихотворческим опытом [Панов 1998], ставшим совсем недавно читательским достоянием (см. [Новиков 1999]). В понятие "материала" для М.В. Панова безусловно входит вся идейно-тематическая сторона произведения, преобразуемая словом. Принципиальное положение "формалистов" о том, что "мысль" есть "материал" [Шкловский 1983: 62], абсолютно не понятое и не усвоенное структурно-семиотической школой, для М.В. Панова с самого начала было исходным постулатом. По этой причине он нередко отмечает недостаточную "специфичность" структурализма, подменившего эстетическую сущность искусства внеэстетической "знаковостью", которая для М.В. Панова является всего-навсего свойством материала, свойством, присущим и многим нехудожественным явлениям.

Литература для М.В. Панова – не пресловутое "отражение" жизни, а ее необходимая составная часть. Потому ее нельзя механически подверстывать к иным системам. Сначала следует выявить внутренние закономерности литературного "саморазвития", а потом уже их можно соотносить с закономерностями общественно-политической истории. Такой путь был намечен в статье Тынянова "О литературной эволюции" и в статье Эйхенбаума "Литературный быт" (обе – 1927 г.). В тезисах "Проблемы изучения литературы и языка" (1928 г.) Тынянов и Якобсон вновь ставили вопрос об изучении имманентных законов истории литературы в их соотношении прежде всего с развитием языка. Этим путем и пошел М.В. Панов, наметив в начале 60-х годов плодотворную методику коллективной исследовательской работы [Панов 1962]. Однако волей обстоятельств эти перспективные начинания не получили дальнейшего развития, что, безусловно, обеднило и литературоведческую науку и русистику в целом.

Тем не менее М.В. Панов чрезвычайно много сделал и в одиночку, создав стройную модель исторического развития русской поэзии. Этот труд был осуществлен в виде спецкурса по истории языка русской поэзии, который долгие годы читался ученым на филологическом факультете МГУ, вызывая огромный интерес не только у студентов, но и у широкого круга научно-творческой интеллигенции. Печатно идеи этого спецкурса частично изложены в двух статьях [Панов 1989; 1991], однако они еще ждут обнаружения в полном объеме, включая сюда и структуру "образного яруса", и емкие, афористичные характеристики конкретных поэтов. Надо сказать, что описание "образного яруса" у М.В. Панова осуществляется с тонким и точным использованием образно-эмоциональных элементов: лирический герой И. Анненского – "человек, напряженно переживающий мир", доминантная черта лирической героини Ахматовой – "человеческое достоинство, для многих непереносимое". Как письменно-научная, так и устно-лекторская речь М.В. Панова – это речь настоящего филолога, который не просто "любит слово", но и пользуется, так сказать, взаимностью: слово само идет навстречу поискам ученого, не устающего находить в родном языке новые краски и оттенки.

Особо следует сказать о новаторском вкладе М.В. Панова в теорию стиха. Стиховедческий аспект в трудах ученого всегда органично включен в общую систему

поэтики, отсюда – широкий взгляд на ритмику, охватывающий и ритм образа, и ритм композиционный. Для Панова не существует "по-школьному" резкой границы между силлабо-тоническим и тоническим стихосложением – он постоянно видит в стихе соотношение (а порой и столкновение) стопной и тактовой организации. С тактовым (в пановском понимании термина) по-своему граничит и верлибр. Такая типология стиха – это развитие идей тыняновской "Проблемы стихотворного языка". В ее свете явно устаревшим видится противопоставление "классических" и "неклассических" размеров, не очень нужной оказывается громоздкая статистика и процентные данные. В своих обобщениях М.В. Панов опирается не на "валовой продукт" поэзии, а на эстетически значимые стиховые закономерности. Думается, у этого подхода большое будущее.

Наступление нового века и нового тысячелетия совпало с непростой ситуацией в литературоведении – как в отечественном, так и мировом. Явно не выдержал испытания временем структурализм 60–70-х годов, его понятийный и терминологический аппарат безнадежно устарел и приобрел архаично-музейный характер. Не внушает оптимизма и "постструктуралистский" хаос – эссеистические игры с неощутимым познавательным результатом. Уход в эмпирическую фактографию и в бесконечное комментирование внехудожественных реалий литературы также не спасает положения. В нынешних условиях "экстенсивного" и потому замедленного развития литературоведения отчетливо ощущим дефицит мощных "интенсивных" идей и концепций. Неизбежно новое обращение к научному творчеству корифеев 20-х годов, непременно будет востребован и опыт построения подлинно научной исторической поэтики, предпринятый М.В. Пановым – истинным литературоведом не по должности, а по призванию.

В одной статье невозможно охватить все стороны многогранной научной деятельности М.В. Панова. Его научные труды, сама его личность и вся его деятельность оказали значительное влияние на развитие русистики второй половины XX века. Назрела необходимость издать собрание его трудов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бархударова Е.Л.* 1999 – Русский консонантизм. Типологический и структурный анализ. М., 1999.
- Белошапкова В.А.* 1997 (отв. ред.) – Современный русский язык. 3-е изд. М., 1997.
- Винокур Г.О.* 1959 – Заметки по русскому словообразованию // Г.О. Винокур. Избранные работы по русскому языку. М., 1959.
- Ермакова О.П.* 1984 – Лексические значения производных слов в русском языке. М., 1984.
- Земская Е.А.* 1973 – Современный русский язык. Словообразование. М., 1973.
- Земская Е.А., Крысин Л.П.* 1998 – Московская школа функциональной социолингвистики. Итоги и перспективы исследований. М., 1998.
- Ильина Н.Е.* 1993 – Проблемы фонетики. I. М., 1993. – Рец.: М.В. Панов. История русского литературного произношения XVIII–XX вв. М., 1990.
- Каленчук М.Л.* (в печ.) – Об устойчивости орфоэпического навыка // Жизнь языка. Сборник статей, посвященный 80-летию Михаила Викторовича Панова (в печати).
- Капанадзе Л.А.* 1996 – Три письма А.И. Солженицына Татьяне Григорьевне Винокур // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. Памяти Т.Г. Винокур. М., 1996.
- Клобуков Е.В.* 2000 – ИАН СЛЯ. 2000. № 4 – Рец.: М.В. Панов. Позиционная морфология русского языка. М., 1999.
- Кронгауз М.А.* 2000 – Rling. 2000. V. 24. – Рец.: М.В. Панов. Позиционная морфология русского языка. М., 1999.
- Крысин Л.П.* 1990 – М.В. Панов – социолингвист // Язык: система и подсистемы. К 70-летию М.В. Панова. М., 1990.
- Новиков В.И.* 1999 – Стих первой свежести // Знамя. 1999. № 3.
- Панов М.В.* 1956 – О слове как единице языка // Уч. зап. МГПИ им. Потемкина. Т. 1, 1956.

- Панов М.В. 1960 – О частях речи в русском языке // ФН. 1960. № 4.
- Панов М.В. 1962 – Грамматические разделы. Фонетика. Письмо. Стилистика // Русский язык и советское общество: Проспект. Алма-Ата, 1962.
- Панов М.В. 1967 – Русская фонетика. М., 1967.
- Панов М.В. 1968 (отв. ред.) – Русский язык и советское общество. Социолого-лингвистическое исследование. Т. 1–4. М., 1968.
- Панов М.В. 1974 – О культурно-историческом подходе к орфографии // Исследование по славянской филологии. М., 1974.
- Панов М.В. 1975а – О степенях членимости слова // Развитие современного русского языка. 1972. Словообразование. Членимость слова. М., 1975.
- Панов М.В. 1975б – О переводах на русский язык баллады "Джабберворки" Л. Кэрролла // Развитие современного русского языка. 1972. Словообразование. Членимость слова. М., 1975.
- Панов М.В. 1977 – О двух типах фонетических систем // Проблемы лингвистической типологии и структуры языка. Л., 1977.
- Панов М.В. 1989 – Ритм и метр в русской поэзии: Статья первая. Звуковой ярус // Проблемы структурной лингвистики 1985–1987. М., 1989.
- Панов М.В. 1991 – Ритм и метр в русской поэзии: Статья вторая. Словесный ярус // Поэтика и стилистика 1988–1990. М., 1991.
- Панов М.В. 1995 – Даниил Хармс // Очерки истории языка русской поэзии XX века. Опыты описания идиостилей. М., 1995.
- Панов М.В. 1997 – Фонетика // Современный русский язык / Под ред. В.А. Белошапковой. 3-е изд. М., 1997.
- Панов М.В. 1998 – Тишина. Снег: Стихи разных лет. М., 1998.
- Панов М.В. 1999 – Позиционная морфология русского языка. М., 1999.
- Панов М.В. 2000 – Сочетание несочетаемого // Мир Велимира Хлебникова: Статьи. Исследования. 1991 – 1998. М., 2000.
- Пешковский А.М. 1959 – В чем же, наконец, сущность формальной грамматики? // А.М. Пешковский. Избранные труды. М., 1959.
- Развитие фонетики 1966 – Развитие фонетики современного русского языка. М., 1966.
- Смирницкий А.И. 1952 – К вопросу о слове // Вопросы теории и истории языка в свете трудов И.В. Сталина по языкознанию. М., 1952.
- Смирницкий А.И. 1956 – Лексикология английского языка. М., 1956.
- Тынянов Ю.Н. 1977 – Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977.
- Фортуновский сборник 2000 – Фортунатовский сборник. Материалы научной конференции, посвященной 100-летию Московской лингвистической школы. М., 2000.
- Шкловский В.Б. 1983 – О теории прозы. М., 1983.
- Энциклопедия для детей 1998 – Энциклопедия для детей. Русский язык. Языкознание. М., 1998.